По чьимъ стопамъ?

ПИСЬМО ИЗЪ РОССІИ

Временно обреченные жить за высокимъ и покрытымъ колючей проволокой частоколомъ, тысячами ухищреній мы все же стараемся узнать о житьѣ нашихъ зарубежныхъ братьевъ, подобно тому, какъ стараются и они узнать о нашей жизни въ совѣтской необъятной тюрьмѣ.

Не приходится говорить объ общности нашихъ цѣлей, о страданіяхъ другъ за друга и томительномъ ожиданіи радостнаго сліянія въ общей работѣ — это понятно безъ словъ. Такъ должно быть понятно безъ словъ то чувство безпредѣльной горечи, что овладѣваетъ нами всякій разъ при извѣстіяхъ о тѣхъ или иныхъ нестроеніяхъ въ зарубежной средѣ, а если, какъ въ данномъ случаѣ, намъ приходится слышать о нестроеніяхъ, смутахъ въ средѣ церковной, то наша горечь переходитъ уже — будемъ откровенны — въ негодованіе.

Да, иначе нельзя назвать то чувство, которое овладѣло нами при полученіи извѣстій о позиціи занятой Архіерейскимъ соборомъ въ Карловцахъ. И первый тревожный вопросъ, который тотчасъ же напрашивался на уста, былъ вопросъ о томъ, по чьимъ стопамъ идутъ іерархи православной русской зарубежной церкви?

Знаютъ ли они о томъ, чѣмъ мы, старо церковники, сильны здѣсь и чѣмъ мы — благодареніе Небу! — еще здѣсь держимся, не взирая на всѣ тѣ гоненія, что приходится переносить и нашимъ досточтимымъ священнослужителямъ и всей массѣ церковниковъ? Это — исключительное и безпрекословное подчиненіе волѣ почившаго Патріарха, неустанно призывавшаго насъ къ сплоченію и единенію предъ лицомъ неусыпнаго врага.

И теперь, въ эти грозные для насъ дни, когда изъ Москвы выселены всѣ епископы, за исключеніемъ троихъ (еп. Трифона — князя Туркестанова, еп. Владимира и Варфоломея), когда мы чувствуемъ себя осиротѣлыми безъ любимыхъ іерарховъ. Когда здѣсь же происходитъ торжественное сліяніе германскихъ и русскихъ безбожниковъ, когда въ православной Москвѣ председателемъ московскаго союза безбожниковъ А. Логиновымъ дѣлаются далеко не двусмысленныя угрозы, какъ:

«въ борьбѣ съ церковью намъ скоро придется перейти отъ оружія критики къ критикѣ оружіемъ» .

въ эти самые же дни въ далекихъ и свободныхъ Карловцахъ, куда, казалось бы, лишь со свѣтлой надеждой могли обращаться наши взоры, — свободные въ возможностяхъ слѣдовать завѣтамъ Патріарха русскіе архіереи нарушаютъ волю того, кто на нашихъ глазахъ такъ много вынесъ страданій и претерпѣлъ гоненій за стремленіе къ единству православной церкви.

Поправшіе эту волю здѣсь — «живоцерковники» пожинаютъ уже достойные плоды, будучи окружены всеобщимъ презрѣніемъ, и мы уповаемъ, что по ихъ стопамъ не пойдутъ тѣ, кто понимаетъ, что не за горами то время, когда придется глубоко вспахать родную церковную ниву и засѣвать ее добрымъ зерномъ.

Приходится еще напомнить и о томъ, что, какъ никогда ранѣе, русскій человѣкъ, остающійся вѣрнымъ завѣтамъ православной церкви, научился проводить рѣзкую грань между пастыремъ добрымъ и пастыремъ злымъ и, если трогательной любовью, теплымъ попеченіемъ встрѣчаетъ онъ пастыря, вернувшагося изъ тяжелой ссылки Нарымскаго края, то съ недобрымъ чувствомъ проходитъ онъ мимо священника — только холоднаго исполнителя религіозныхъ требъ, опасливо озирающагося по сторонамъ, равнодушнаго къ дѣламъ вѣры и церкви, но не собственнаго благополучія.

Какъ же встрѣтитъ онъ тѣхъ, кто силою судебъ будучи огражденъ отъ всякихъ ЧК, ГПУ, допросовъ, тюремъ, ссылокъ, разстрѣловъ, — не сумѣлъ сохранить столь драгоцѣннаго единства церкви, завѣщаннаго Святѣйшимъ Патріархомъ, кто попралъ его явно выраженную волю относительно тѣхъ или иныхъ ставленниковъ?

Если здѣсь ставленниковъ этихъ мы почитаемъ, какъ едино полновластныхъ, то таковыми же почитаемъ и тѣхъ, какъ, напримѣръ, митрополита Евлогія назначеніе котораго патріаршимъ указомъ обще извѣстно, а пишущему эти строки, имѣвшему высокую честь приближенія къ особѣ Его Святѣйшества, неоднократно въ бесѣдахъ подтверждалось. Этой же точки зрѣнія придерживались и другіе высокіе іерархи, какъ придерживаются и теперь.

Неужели же кто либо посмѣетъ ихъ вынужденное и каждому понятное молчаніе толковать, какъ согласіе съ тѣмъ, что рѣшено на Архіерейскомъ соборѣ въ Карловцахъ?

Кого же удовлетворили рѣшенія этого собора? Кѣмъ они приняты съ видимымъ и нескрываемымъ удовольствіемъ?

Конечно, врагами церкви — большевиками.

На дняхъ въ московскихъ газетахъ появилась юмористическая замѣтка объ этомъ соборѣ какого - то совѣтскаго писаки, который, съ наслажденіемъ смакуя происшедшія на соборѣ распри, закончивалъ свою замѣтку завѣреніемъ, что

«намъ нѣтъ никакого дѣла ни до Пата въ великокняжескомъ мундирѣ, ни до Паташона въ монашеской рясѣ, но развѣ, когда утомленные трудовымъ днемъ, мы возвращаясь домой и видя огромные плакаты с «Патъ» и «Паташономъ», — не улыбнемся ли навстрѣчу этимъ весельчакамъ, дарящимъ намъ минуты искренняго смѣха?»

«Почему же намъ не улыбнуться и теперь, видя эти жалкія потуги эмигрантскихъ «Патъ» и Паташоновъ» съ трагической важностью вершить дѣло дѣленія шкуръ въ ихъ фантазіи существующаго звѣря?»

«Будемъ снисходительны — улыбнемся».

Можетъ быть, это лишь Архіерейскимъ соборомъ будетъ принято за невинную улыбку, но мы то, здѣсь живущіе, видимъ злорадный и торжествующій смѣхъ, мы знаемъ цѣну и послѣдствія этого смѣха и, пока еще не поздно, вовемъ братьевъ не идти по стопамъ сѣятелей раздора и смутъ въ церковной средѣ, не лить воду на мельницу недремлющаго врага.

Москва.
Сентябрь 1926 года.

С—овъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

— Въ 1930 году въ Берлинѣ предполагается организовать международную выставку.

— 13 октября въ Парижѣ собирается смѣшанная комиссія по разсмотрѣнію экономическихъ вопросовъ связанныхъ съ вопросомъ о разоруженіи.

— Въ Афинахъ арестованъ адмиралъ Хаджикеріатисъ занимавшій въ кабинетѣ Пангалоса постъ морского министра.

— Въ Берлинѣ разрѣшено держать открытыми рестораны до трехъ часовъ ночи.

— Японское правительство разрѣшило вывозъ золота. Въ первый день въ Америку было отправлено 4 милліона іенъ.

— Около Лондона въ мѣстечкѣ Вудгринъ грабители ворвались въ ювелирный магазинъ и похитили цѣнностей на 1.000 фунтовъ.

— Въ Берлинѣ выпущенъ рядъ марокъ съ изображеніемъ видныхъ нѣмцевъ. На двухъ маркахъ будетъ изображенъ портретъ Гете, на 5 — Шиллера и на 10 — Фридриха Великаго.

Зеленая курица

Не то быль, не то фантазія, не то разсказъ, не то публицистика...

Въ газетѣ «Журналь» разсказанъ случай, какъ парижскіе Расплюевы ловятъ богатыхъ, но наивныхъ французовъ на «русскую княгиню»....

Два французскихъ дѣльца сомнительной репутаціи обхаживаютъ богатаго провинціала и все стараются «взять его на понтъ», какъ говорятъ шулера. Но провинціалъ не клюетъ ни на какую приманку и не желаетъ «вести дѣла съ друзьями».

Тогда одинъ изъ Расплюевыхъ рѣшается на крайнее средство. — Не остается ничего другого, какъ устроить для этого осла обѣдъ съ «русской княгиней». Если изъ «Зеленой Курицы» позвать дылду Лиду, то я думаю, это пройдетъ... Она блондинка, завитая, имѣетъ разсѣянный видъ...

— Но я нахожу, что у нея просто глупый видъ...

— Ахъ, нѣтъ, ты ее не знаешь.. Притомъ же и дамъ предварительный урокъ...

Пріятели пошли въ «Зеленую Курицу» разыскали ночную дѣвицу Лиду и съ двухъ словъ покончили съ ней.

— Но ты понимаешь, моя курочка, что ты совсѣмъ не должна шутить. Ты — русская княгиня... Говори мало, немножко съ акцентомъ и, если можешь нараспѣвъ. И потомъ держи себя какъ слѣдуетъ и даже чуть-чуть высокомѣрно. Не жми никому ногъ подъ столомъ и въ особенности этому дураку, съ которымъ мы тебя познакомимъ. Время отъ времени, ты должна поглядывать на него загадочнымъ взглядомъ...

— Это значитъ, что я должна дѣлать глазки, но не показывать вида, что я ихъ дѣлаю? — спрашиваетъ Лида.

— Совсѣмъ нѣтъ. Ты — знатная дама, ты не должна дѣлать глазки мужчинамъ.

— А ты думаешь знатныя дамы не дѣлаютъ глазокъ?

— Дѣло не въ томъ. Но ты не должна И потомъ ты должна дѣлать намѣки на твои несчастія...

— На какія несчастія?

— Это не важно, на какія... Вообще, на несчастія въ прошломъ... И затѣмъ ты не должна больше говорить намъ «ты» и стараться не пить слишкомъ много шампанскаго.. .

За обѣдомъ въ шикарномъ ресторанѣ дѣвицу изъ «Зеленой Курицы» представили, какъ русскую княгиню Ольгу Лидановскую и она произвела на французскаго провинціала неотразимое впечатлѣніе.

Въ особенности имѣлъ успѣхъ иностранный акцентъ и манера говорить нараспѣвъ.

Провинціалъ увивался, таялъ, и разсыпался въ любезностяхъ.

— Не угодно ли вамъ, княгиня... Разрѣшите мнѣ, княгиня... Могу ли я предложить, княгиня?

Дѣвица изъ «Зеленой Курицы» пила шампанское, курила папиросы, но чѣмъ больше пила, тѣмъ становилась молчаливѣе и разсѣяннѣе.

Подъ конецъ вечера, она была пьяна, но провинціалъ этого не замѣтилъ и когда «княгиню» проводили домой, онъ сказалъ:

— Вотъ это женщина! Но какъ она должна страдать, бѣдняжка...

Прошло нѣсколько недѣль и дѣльцы убѣдились, что втянуть провинціала въ сомнительныя аферы все таки нѣтъ никакой возможности.

Но когда они потеряли уже всякую надежду, къ нимъ въ бюро явилась элегантная дама и подала визитную карточку, на которой было написано:

— Княгиня Ольга Лидановская.

— Какъ! это ты, Лида?

— Я очень прошу васъ, мсье, не говорить мнѣ больше «ты»... Я пережила большія несчастія въ прошломъ и меня можно пожалѣть, но не смѣяться надо мною...

— Но, Лидка, ты восхитительно играешь свою роль! А только зачѣмъ? Вѣдь этого осла нѣтъ здѣсь....

— Я очень прошу васъ не говорить дурно о моемъ женихѣ... Послѣ того обѣда, мы еще видѣлись и не разъ.... Онъ меня любитъ, я его люблю и онъ предложилъ мнѣ раздѣлить свою жизнь...

— Вотъ такъ штука! Такъ онъ серьезно принялъ тебя за русскую княгиню? Ахъ, дуракъ!...

— Перестаньте, господа... Въ концѣ концовъ, что вы знаете о моемъ происхожденіи? Я только призналась ему, что я незаконная дочь русскаго князя и ношу фамилію моего отца... Но не въ этомъ дѣло.. Я знаю всѣ его дѣла и я убѣдила его быть вашимъ пайщикомъ... Вы понимаете, онъ не знаетъ, что вы хотѣли посмѣяться надъ нимъ... Онъ не знаетъ и кое-чего другого, что вы знаете... Вы меня понимаете?

О, они ее отлично поняли!

— Молчаніе за молчаніе? Она выходитъ замужъ, если онъ будетъ пайщикомъ?

Сдѣлка состоялась и Расплюевы такъ вошли въ роль, что и сами готовы были признать въ дѣвицѣ изъ «Зеленой Курицы» русскую княгиню, такъ много перестрадавшую въ прошломъ. Точно по взаимному уговору, Расплюевы съ этой минуты стали говорить Лидѣ «вы», стали считать ее Ольгой и забыли рѣшительно все о «Зеленой Курицѣ».

Передъ ними была уже русская княгиня, которая «такъ много перенесла» среди ужасовъ русской революціи...

Александръ Яблоновскій.

Въ Совѣтской Россіи

ВЪ БОРЬБѢ СЪ ОППОЗИЦІЕЙ

«Совѣтскій Югъ» сообщаетъ о выступленіи въ Петргорадѣ въ коммунистическомъ университетѣ имени Зиновьева Кирова, назначеннаго, какъ извѣстно, въ Петроградъ на мѣсто Зиновьева послѣ осужденія послѣдняго коммунистическимъ съѣздомъ. Кировъ въ своей рѣчи заявилъ: «оппозиція отнюдь не прекращаетъ своей фракціонной раскольнической работы. Все вниманіе многочисленныхъ враговъ революціи сосредоточено сейчасъ на дѣятельности оппозиціи. Все новые и новые факты подтверждаютъ самыя тяжкія обвиненія по адресу оппозиціи. Оппозиціонеры создаютъ реальную угрозу партіи».

Тутъ же сообщается, что въ Харьковѣ исключенъ изъ партіи коммунистъ Зингерманъ «за распространеніе секретныхъ партійныхъ документовъ, а также за то, что Зингерманъ наотрѣзъ отказался назвать источникъ, откуда онъ получилъ этотъ матеріалъ».

БЕЗРАБОТНЫЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТЪ РАБОТЫ

«Правда» (13 октября) сообщаетъ:

«Среди 5.000 безработныхъ металлистовъ, насчитывающихся въ Екатеринославскомъ районѣ, свыше половины отказывается отъ предоставляемой имъ работы. Составилась цѣлая группа людей, которая регулярно получаетъ отъ союза помощь и въ то же время работаетъ частнымъ образомъ въ качествѣ кустарей, да же подрядчиковъ».

Славный путь

КОНСТАНТИНОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

(1865-1926).

«...завидна смерть за честь родного края». К. Р.

17 сего октября, въ ближайшее воскресенье къ 1 октября по старому стилю, въ Парижѣ будетъ скромно отпраздновано маленькое военное торжество: 61-я годовщина со дня основанія Константиновскаго военнаго училища, которому послѣдній Государь Русской Земли ввѣрилъ сохраненіе памяти благороднѣйшаго воспитателя русской военной молодежи, Великаго Князя Константина Константиновича.

Вспомнятъ собравшіеся родной Кіевъ, гдѣ находилось училище съ 1865 года.

Октябрьская революція. Борьба съ большевиками на улицахъ Кіева. Первыя потери — 4 офицера, 15 юнкеровъ. Училище вышло за городъ, съ оружіемъ погрузилось въ поѣздъ и 13 ноября 1917 года прибыло на Кубань. Вмѣстѣ съ кубанцами оно ушло въ горы и вмѣстѣ съ ними оно вошло 15 марта, послѣ ряда кровавыхъ боевъ, въ составъ Добровольческой Арміи. Всю тяжесть Ледяного похода, всю славу Второго Кубанскаго похода, вплоть до освобожденія Екатеринодара, раздѣлили Константиновцы съ Добровольческой Арміей. Немногіе дожили до конца — лишь 11 офицеровъ и 14 юнкеровъ вступило въ Екатеринодаръ. Но начальникъ училища, рядъ преподавателей и курсовыхъ офицеровъ уцѣлѣли и скоро въ Екатеринодарѣ состоялся новый пріемъ юнкеровъ и началась ихъ подготовка по программамъ мирнаго времени (2-хлѣтній курсъ). Сначала училище работало въ Екатеринодарѣ, потомъ было переведено въ Феодосію.

Но едва одинъ годъ пришлось проработать въ сравнительно мирной обстановкѣ. Съ отходомъ Армій Юга Россіи на Кубань и далѣе къ Новороссійску, Крымъ остался беззащитнымъ. Въ страшную рождественскую стужу 1919 года баталіонъ юнкеровъ училища (336 штыковъ) былъ брошенъ изъ Феодосіи къ Перекопу.

Безъ теплой одежды, въ снѣжную метель, при морозѣ свыше 20 градусовъ, вели Константиновцы бои у Армянска. Не разъ доходило до штыковъ. Погибъ командиръ б-на, но Крымъ уцѣлѣлъ...

За оборону Крыма училище награждено отличіемъ на головные уборы.

До середины апрѣля 1920 года несли юнкера свою службу на фронтѣ. Она закончилась удивительно красивымъ дѣломъ: атакой станціи Сивашъ по узкой желѣзнодорожной дамбѣ въ полторы версты длиною. Въ колоннѣ, съ музыкой, двинулись юнкера въ атаку. Противникъ, пораженный неожиданностью, открылъ безпорядочный огонь и бѣжалъ, не принявъ удара. Прошло три мѣсяца. Въ самый разгаръ лекцій и репетицій училище было назначено въ составъ десантнаго отряда, который былъ высаженъ 1 августа на восточномъ берегу Азовскаго моря. Начался стремительный маршъ вглубь Кубани. Училищу пришлось пройти въ 46 часовъ 85 верстъ при чрезвычайной жарѣ и рѣшить бой у станціи Тимашевской, совершивъ обходъ станціи съ сѣвера.. (Величина и скорость знаменитаго марша Суворова къ Требіи). Но успѣхи десанта были парализованы сосредоточеніемъ большевиками огромнымъ силъ. Пришлось начать отходъ. Училище было назначено въ части, прикрывающія нашъ маневръ съ сѣвера. Здѣсь, у станицы Брыньской батальонъ юнкеровъ (370 штыковъ) безъ артиллеріи былъ атакованъ 8 тысячами красныхъ съ 6 орудіями. Въ 3-хдневныхъ бояхъ, то медленно отходя передъ красной пѣхотой, то отбивая со всѣхъ сторонъ атаки красной конницы, батальонъ отошелъ къ морю, потерявъ 7 офицеровъ и 103 юнкера и на Константиновцевъ легла новая кровавая задача — прикрыть этотъ послѣдній отходъ. Восемь дней длилась посадка десанта на суда и восемь дней прикрывали юнкера эту посадку, отстрѣливаясь отъ красныхъ на узкихъ болотистыхъ тропахъ, среди камышей, верстахъ въ 20-30 отъ нашихъ судовъ.

2 ноября училище въ полномъ составѣ покинуло Родину. Въ его составѣ ушло на чужбину 4 генерала, 34 офицера, 342 юнкера и 3 солдата.

За Кубанскій десантъ училищу пожалованы сереб. трубы съ лентами Св. Николая Чудотворца, а за непрерывную службу Родинѣ и сохраненіе своего оружія даровано право прохожденія церемоніальнымъ маршемъ — «ружья на руку».

Въ списки училища зачислены: Генералъ - Лейтенантъ Баронъ Врангель, Генералъ отъ Инфантеріи Кутеповъ и Генер. Штаба Генералъ Маіоръ Чегловъ, въ начальствованіе и подъ непосредственнымъ управленіемъ коего училище заслужило сереб. трубы.

Въ дальнѣйшемъ началась снова «мирная» служба. Галлиполи. Темные подвалы съ каменнымъ поломъ, черезъ день караулы. Тяжелая зима. Наконецъ получается лучшее помѣщеніе — конюшня для верблюдовъ съ земляннымъ поломъ. Едва переѣхали — ночной ливень проваливаетъ стѣну и грязная ледяная вода затопляетъ конюшню. Обувь, платье, шинели — унесены неожиданнымъ бурнымъ потокомъ... Это отдѣльныя мелкія воспоминанія... Это пустяки... Но духъ былъ высокъ. Онъ поддерживался у молодежи сознаніемъ исполненнаго долга.

Съ весны 1921 года возобновились учебныя занятія. Удалось подготовить 343 вполнѣ обученныхъ молодыхъ офицеровъ. Лѣтомъ 1923 года закончено образованіе послѣднихъ изъ нихъ.

Окончившіе въ значительномъ числѣ остались при училищѣ, которое постепенно, сохраняя свою организацію, стало на частныя работы. Годъ тому назадъ большая часть чиновъ училища переѣхала во Францію.

Б. Сергѣевскій.

СОВѢТСКАЯ ХРОНИКА

— Въ Кіевъ изъ Львова прибылъ «украинскій профессоръ - эмигрантъ» Шимоновичъ.

— Въ Петроградѣ открылась выставка знаменъ 16-20 вв. собранныхъ во всѣхъ концахъ міра. На выставкѣ фигурируютъ знамена Стеньки Разина, Кромвеля, лейтенанта Шмидта и др.

— 700 семействъ рыбаковъ, отправившихся на баржахъ на побережье Карскаго моря, на обратномъ пути по Енисею запоздали и не могутъ вернуться до замерзанія рѣки. Имъ грозитъ полное разореніе и гибель всего улова.

— Послѣдніе дни въ Одессѣ стоитъ небывалая для октября жара, доходящая до 28 градусовъ.

— На Крымско - Кавказскомъ побережьѣ свирѣпствуетъ штормъ.

Талисманъ

16-bis, rue Fontaine. Montmartre
Tél.: Trudaine 36-30.
Директоръ: АДОЛЬФЪ РОДЕ.

ФЕШЕНЕБЕЛЬНЫЙ
CABARET, SOUPERS-DANSANTS
Ежедневно съ 11 час. вечера и до утра первоклассная программа артистовъ и этуалей. Оркестръ, Jazz, Танго, Charleston. Панно и всѣ худож. работы по эскизамъ худ. П. Вещилова.
ВЕСЕЛО! УЮТНО! МНОГО СВѢТА!

Записная книжка

13-го сентября 1916 года.

Утромъ разговоръ за гумномъ съ Матюшкой.

Кавалеристъ, пріѣхалъ съ фронта на побывку.

Молодой малый, почти мальчишка, но удивительная русская черта: говоритъ всегда и обо всемъ совершенно безнадежно, не вѣритъ ни во что рѣшительно!

Я стоялъ на гумнѣ за садомъ, онъ шелъ мимо, велъ откуда-то съ поля свою мышастую кобылу.

Увидавъ меня, свернулъ съ дороги, подошелъ, пріостановился:

— Добраго здоровья. Все гуляете?

— Да нѣтъ, не все. А что?

— Да это все бабы на деревнѣ. Все дивятся, что вотъ васъ небось на войну не берутъ. Откупились. Господамъ, говорятъ, хорошо: посиживаютъ ,говорятъ, себѣ дома!

— Не всѣ посиживаютъ. И господъ не меньше вашего перебили.

— Да я-то знаю. Я-то тамъ наглядѣлся. А съ нихъ, съ дуръ, что жъ спрашивать... Ну, да это все пустое. А вотъ, какъ наши дѣла теперь? Какъ тамъ? Вы каждый день газеты читаете.

Я сказалъ, что сейчасъ вездѣ затишье. Но что англичане и французы понемногу бьютъ.

Онъ невесело усмѣхнулся.

— А мы, значитъ, опять ничего?

— Какъ ничего?

—Да такъ. Мы его видно никогда не выгонимъ.

— Богъ дастъ, выгонимъ.

— Нѣтъ. Нѣтъ, теперь остался.

— Ну вотъ, и остался!

— Да какъ же не остался? Чѣмъ мы его выгонять будемъ? У насъ и пушекъ нѣтъ, одни шестидюймовыя мортиры.

— Откуда ты это взялъ?

— Агитаторы говорятъ. Да я и самъ знаю.

— Нѣтъ, у насъ теперь всего много. И пушекъ, и снарядовъ.

— Нѣтъ, однѣ шестидюймовки. А крѣпостную алтилерію возить не на чемъ.

— Опять неправда.

— Какой тамъ неправда! По этакой дорогѣ развѣ ее свезешь на лошадяхъ? Только лошадей подушишь. Станешь ее вытаскивать, а она на два аршина въ землю ушла, а коботъ и совсѣмъ въ грязи не видать. Нѣтъ, это вамъ не нѣмцы!

— А что жъ нѣмцы?

— А то, что нѣмецъ рельсы проложилъ — везетъ и везетъ. А войска наши какія? Легулярныя войска, какія были настоящія, царскія, всѣ тамъ остались, а это ополченье — какія это войска? Привезутъ ихъ на позицію, а они всѣ разбѣгутся. Подтягивай портки потуже да арало. Всѣ, какъ одинъ!

— Ну, ужъ и всѣ!

— Вѣрное слово вамъ говорю. Да вы то подумайте: чего ему умирать, когда онъ дома облопался? Теперь у каждой бабы по сто, по двѣсти цѣлковыхъ спрятано. Отроду такъ хорошо не жили. А вы говорите — умирать! Нѣтъ, ужъ куда намъ теперь...

* *

Махнулъ рукой, дернулъ лошадь за поводъ и пошелъ, даже не поклонившись.

Утро свѣтлое, на почернѣвшихъ, почти голыхъ лозинкахъ, на ихъ сучьяхъ и рѣдкой пожухлой листвѣ — блестки растаявшаго мороза. На мужицкихъ гумнахъ золотомъ горятъ свѣжія скирды, стаями перелетаютъ сытые голуби, давая чувство счастливой осени, покоя, довольства, — это правда: «облопались». Вдали, у насъ, въ сизо - туманномъ утреннемъ саду, мягко, неизъяснимо - прекрасно краснѣютъ клены.

* *

Послѣ обѣда прочли статью Мережковскаго о «Дѣтствѣ» Горькаго. Ужасно!

«Горькій знаетъ, куда идетъ Россія... Его Бабушка — Россія, Востокъ. Дѣдушка — Европа, Западъ...»

Боже мой, это Горькій - то знаетъ, Горькій, съ его литературщиной, съ его малярнымъ размахомъ, это суздальское кривое зеркало! «Бабушка — Россія, Дѣдушка — Западъ...» Какое плетеніе словесъ и когда-же! Въ такое страшное для Россіи время!

А какъ дивно все кругомъ. Среди дня ѣздилъ въ лѣсъ, въ Скородное. День совсѣмъ разгулялся. Непередаваемо прелестны чащи совсѣмъ почти голыхъ грифельныхъ осинъ на яркомъ, густомъ синемъ небѣ. Среди осинъ кое-гдѣ клены въ легчайшей красно - желтой листвѣ, которая вся трепещетъ на холодномъ вѣтрѣ и солнцѣ.

Въ оврагахъ отъ желтыхъ кустарниковъ просто горитъ все! канареечно желто, ослѣпительно.

* *

Ночь очень прохладная.

[illegible] пройтись, пошелъ по деревнѣ. Темно, вся деревня уже спитъ.

Пройдя деревню, увидалъ съ косогора огоньки внизу, на водяной мельницѣ у Петра Архипова. Пошелъ туда.

Спустившись, подошелъ къ открытымъ воротамъ мельничнаго сруба: тамъ внутри все шумитъ и дрожитъ, — мельница работаетъ. Возлѣ жерновов стоитъ и тускло свѣтитъ въ мучнистомъ воздухѣ запыленный мукой фонарь, а вверху сруба, — онъ безъ потолка, — и кругомъ въ углахъ темь, мрачный сумракъ. Пахнетъ тоже мукой, сыровато, хлѣбно.

А Петръ Архиповъ сидитъ возлѣ фонаря, похожъ на Толстого. Большая побѣлѣвшая отъ муки борода, побѣлѣвшій полушубокъ; картузъ, — совсѣмъ бѣлый, — надвинутъ на брови. Глаза острые, серьезные.

Противъ него, на обрубкѣ пня, сидитъ какой-то кудрявый мужикъ, незнакомый мнѣ. Уперся локтями въ колѣни, куритъ и смотритъ въ землю.

Поздоровавшись, присѣлъ и себѣ.

— А мы вотъ о войнѣ говорили, — сказалъ сквозь шумъ мельницы Петръ Архиповъ. — Вотъ онъ ни чему не вѣритъ, ни какой нашей побѣдѣ не чаетъ.

Мужикъ поднялъ голову и ядовито усмѣхнулся.

— А ты, самъ-то какъ, Петръ Архипычъ? Тоже не чаешь?

Онъ холодно взглянулъ мнѣ въ лицо.

— Я? А я не знаю. Пускай ихъ воюютъ. Воюйте на здоровье. Это, господа дворяне, ваше дѣло.

— Это какъ же такъ?

—А такъ. Намъ, мужикамъ, одно надо: ничего никому не давать, никого къ себѣ съ этими поборами и риквизиціями не пускать. Что бы никто къ намъ не ходилъ, ничего нашего не бралъ. Ни нѣмецъ, ни свой. Да.

Помолчалъ, потомъ опять заговорилъ, еще возвышая сквозь шумъ голосъ и еще непріязненнѣе:

— Да. А то вонъ пріѣхалъ на той недѣлѣ какой-то съ грибами на плечахъ — солдатъ, сыновей, ему давай, хлѣба давай... всего давай! А ихъ гнать надо отъ насъ. Разъ наше дѣло не выходитъ — мировая и шабашъ. Миколай Миколаевичъ Младшій — вотъ это воинъ. Ухъ, разсказываютъ солдаты, что только за человѣкъ! Отца роднаго за правду не пожалѣетъ. Ночью встанетъ тихонько, чтобъ ни одинъ генералъ за нимъ не увязался, — и пошелъ въ обходъ по окопамъ. Солдатъ простыхъ увидитъ: «Здорово, друзья! Надѣйтесь на меня, какъ на каменную гору. Я объ васъ ночи не сплю!» — А господамъ офицерамъ, если завидитъ, что въ карты играютъ, бездѣльничаютъ, безъ всякой церемоніи шашкой голову долой! Да, это воинъ.

Сумрачно помолчалъ, потомъ всталъ и подошелъ къ трясущемуся рукаву, по которому сѣрой струей текла мука. Взявъ въ горсть муки, помялъ ее, понюхалъ и задумчиво спросилъ, почти крикнулъ:

— Ну, а этотъ самый человѣкъ, гдѣ онъ теперь?

— Какой?

— Сухомлинъ.

Кудрявый мужикъ, курившій на пнѣ трубку, со свистомъ, не поднимая головы, захохоталъ и махнулъ рукой:

— Вона! — сказалъ онъ. — Хватился! Его теперь и слѣдъ простылъ! Его давно покрыли и спритали!

Петръ Архиповъ строго посмотрѣлъ на него, на его плечи и голову, потомъ еще строже на меня:

— Гдѣ, по вашему, такой человѣкъ можетъ находиться? И что такому человѣку должно быть? Что онъ для Россіи можетъ быть? Что онъ для ней сдѣлалъ? Черезъ кого тамъ теперь милліоны лежатъ, пухнутъ? А вѣдь люди тоже, крещенные!

Обивъ и вытеревъ руку о полушубокъ, онъ опять сѣлъ и опять замолчалъ. Потомъ все тѣмъ-же тономъ, но уже спокойнѣе:

— Да. На насъ, мужиковъ, какъ тамъ глядятъ? Тычь его куда похуже, а насъ, господъ, не тронь, — мы высокаго званья. А тѣ пускай прѣютъ , этихъ дураковъ еще великія тысячи надѣлаютъ. Сейчасъ вонъ опять берутъ, а зачѣмъ? Чтобы послѣднихъ перебить? Вы, баринъ, — дерзко и громко спросилъ онъ, — вы намъ ужъ откровенно скажите, какая ваша задача: что бы насъ всѣхъ перебить, а скотину порѣзать да въ окопахъ стравить?

— Петръ Архипычъ, какъ тебѣ не стыдно? Отъ всѣхъ слышу этотъ дурацкій вопросъ, только отъ тебя не ожидалъ. Вѣдь ты человѣкъ умный!

— Умный! — сказалъ онъ, нѣсколько смутившись, и вдругъ опять сдвинулъ брови и поднялъ тонъ:

— Вамъ хорошо говорить. А у меня вонъ сынъ пошелъ, два мѣсяца ни одного письма. Гдѣ онъ теперь, что онъ теперь? Мертвое тѣло? А потомъ, какъ перебьютъ всѣхъ, вы что-жъ будете дѣлать? Пріѣдете, конечно, къ царю и скажите: «Погляди, государь, — гдѣ твоя держава теперь? Нѣту тебѣ ничего, все чисто, одно гладкое поле!».

Я съ истиннымъ изумленіемъ поглядѣлъ на него.

Куда дѣвался его умъ, здравость?

Ив. Бунинъ.